

ВЯТСКІЯ

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ

№ 4.

1880 г.

Февраля 16-го.

ОТДѢЛЪ ДУХОВНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ.

Болѣзни современнаго Русскаго общества.

Послѣ каждаго выходящаго изъ ряду вонъ политическаго или общественнаго преступленія, наши свѣтскіе органы печати обычно печатаютъ одну-двѣ статьи съ охами и вздохами о болѣзненномъ состояніи нашего общества и съ обѣщаніями заняться серьезно опредѣленіемъ характера и причинъ болѣзни. Обѣщанія эти тотчасъ же забываются и, когда повторится новое необычайное покушеніе на злодѣяніе, снова даются, чтобы потомъ снова забыть ихъ. Печать наша живетъ, какъ и современное общество, день за день, не размышляя о прошломъ и не раздумывая о будущемъ, заносся на свои столбцы скандалы—и дѣйствительные и вымышленные, старыхъ временъ и современные, и для поученія читателей занимаясь по временамъ взаимной перебранкой. Тѣмъ пріятнѣе останавливаешься на серьезной попыткѣ опредѣлить болѣзненное состояніе современнаго нашего общества, сдѣланной профессоромъ Московскаго Университета, докторомъ богословія, протоіереемъ А. М.

Иванцовымъ-Платоновымъ. Его огромное слово на новый годъ, помѣщенное въ первомъ номерѣ преобразованныхъ «Московскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей», вполне стоитъ того, чтобы его со вниманіемъ прочла вся интеллигентная Россія, все Русское общество: по многосторонности обслѣдованія, по глубинѣ анализа діагноза всероссійской болѣзни, сдѣланный Московскимъ о. протоіереемъ, оставляетъ за собою все, что когда-либо было писано по этому предмету нашими публицистами и романистами. Двѣ недѣли уже прошло, а отечественная печать ни полслова о замѣчательнѣйшей московской проповѣди. Чтобы сдѣлать ее общеизвѣстною по крайней мѣрѣ православному русскому духовенству, перепечатаваемъ ее изъ мѣстно доселѣ распространенной газеты на страницы «Церк. Вѣстника» съ небольшими лишь выпусками—особенно въ началѣ и концѣ:

„Гдѣ корень зла? Гдѣ источникъ нашихъ нравственныхъ болѣзней и общественныхъ бѣдствій? Кто дастъ отвѣтъ на это? Что въ нравственной жизни нашей много не хорошаго, не нормальнаго,—это мы, кажется, всѣ сознаемъ: но въ чемъ источникъ нашихъ нравственныхъ болѣзней, это едва-ли ктонибудь ясно представляетъ.

Не въ томъ ли однакожъ и узелъ вопроса, не въ томъ ли и главная наша нравственная болѣзнь, что мы даже и не сознаемъ, откуда идутъ наши недуги, что у насъ, значитъ, ослабѣли и затмились самые органы нравственного самосознанія, т. е. крѣпкая мысль и чистая совѣсть?

Дѣйствительно у насъ ослабѣли главные органы нравственного самосознанія и жизненнаго самоуправленія—мысль и совѣсть... Мы говоримъ не объ отдѣльныхъ личностяхъ, а о цѣломъ строѣ общественнаго развитія; въ немъ ослабленіе мысли и совѣсти—характеристическая и самая печальная черта. Можетъ быть, эти слова

покажутся странными. Повидимому никогда столько, какъ въ послѣднее время, не заботились у насъ о накопленіи и распространеніи знаній, объ образованіи такъ называемыхъ убѣжденій, о выработкѣ нравственныхъ принциповъ. Но въ томъ-то и дѣло, что заботятся только о накопленіи и распространеніи знаній,—а на развитіе и укрѣпленіе самой мысли, владѣющей и управляющей знаніями, обращаютъ мало вниманія; а безъ крѣпкой мысли частныя знанія, какъ бы ихъ много ни было,—безпорядочная масса, отъ которой мало бываетъ плода въ жизни. Въ томъ-то и дѣло, что толкуютъ много объ убѣжденіяхъ, а о живой вѣрѣ, которая даетъ смыслъ и жизненность всякимъ убѣжденіямъ, мало думаютъ; безъ живой вѣры эти такъ называемыя убѣжденія остаются часто красивыми фразами, повторяемыми съ чужаго голоса и неимѣющими вліянія на жизнь... Въ томъ-то и дѣло, что хлопочутъ о выработкѣ нравственныхъ принциповъ путемъ одной мысли (да и мысли не утвержденной), а о томъ, что составляетъ живой корень всей нравственной жизни—о доброй совѣсти мало заботятся, и что такое совѣсть и какъ нужно воспитывать ее—рѣдко вспоминаютъ, самое слово „совѣсть“ рѣдко произносятъ. А безъ доброй совѣсти—безъ этого внутренняго чувства и побужденія правды и добра—эти такъ называемые нравственные принципы, остающіеся лишь въ головѣ и на языкѣ, оказываются часто дутыми пузырями, неспособными выдержать самага слабаго прикосновенія жизненныхъ испытаній. Вотъ отъ этого-то и бываетъ у насъ, что люди образованные, владѣющіе большими знаніями и повидимому честные и благородные, по крайней мѣрѣ другимъ и иногда самимъ себѣ представляющіеся такими, люди проповѣдующіе благороднѣйшія убѣжденія и возвышенные нравственные принципы, вдругъ оказы-

ваются способными на самыя безчестныя и преступныя дѣла—на воровство, обманъ, измѣну,—съ такими качествами являются на скамьяхъ подсудимыхъ,—и тамъ произносятъ возвышенныя рѣчи о честности и благородствѣ, объ убѣжденіяхъ и принципахъ, и подобными рѣчами производятъ впечатлѣнія на слушающихъ ихъ.

Но не будемъ говорить о крайностяхъ и частныхъ случаяхъ. Обратимъ вниманіе на нѣкоторыя общія явленія, которыми отражается упадокъ мысли и совѣсти въ строѣ современной общественной жизни.

Этимъ упадкомъ объясняется прежде всего то, что у насъ такъ сильно распространяется ложь въ послѣднее время, ложь, извращающая всѣ здоровыя стремленія, подтачивающая всѣ живыя силы общественнаго организма. Ложь распространяется во всѣхъ видахъ и направленіяхъ: ложь предъ другими и ложь предъ самими собою, ложь въ частныхъ дѣлахъ и сношеніяхъ и ложь въ дѣлахъ общественныхъ,—ложь съ расчетомъ и ложь безъ всякаго расчета по дурной привычкѣ, ложь безсознательная и ложь завѣдомая, желающая обмануть другихъ, и большею частію никого необманывающая,—ложь, какъ говорятъ, необходимая и извинительная, безъ которой будто-бы совсѣмъ нельзя жить въ обществѣ (такъ хорошо сложилась общественная жизнь!), и ложь произвольная, которую уже совершенно по охотѣ расточаютъ въ прибавокъ къ лжи, ставшей необходимою.... И нѣтъ, кажется, такого чистаго и святаго дѣла, которое бы не было запятнано ложью. Ложь въ великомъ дѣлѣ общественнаго воспитанія; и берутся за него многіе безъ всякаго расположенія и усердія, безъ всякаго сознанія его важности и отвѣтственности, и ведутъ его безъ всякаго убѣжденія, иногда даже вопреки собственному, какому бы то ни было, убѣжденію. Ложь въ раз-

ныхъ родахъ общественной службы: и здѣсь часто берутся за дѣло безъ всякаго желанія добросовѣстно служить ему, и исполняютъ его совсѣмъ не такъ, какъ желаютъ представиться другимъ. Ложь въ наукѣ и литературѣ; здѣсь не рѣдко говорятъ о томъ, чего сами не знаютъ, и проповѣдуютъ то, въ чемъ сами не убѣждены... Ложь, отрицающая вѣру, законъ, порядокъ, семейную, общественную и государственную жизнь, безъ всякаго серьезнаго вниканія въ существенныя основы вѣры, закона, порядка, семейной, общественной и государственной жизни, и ложь, иногда защищающая все это безъ всякаго убѣжденія, защищающая на словахъ и разрушающая на дѣлѣ... Гдѣ же тутъ добратся до причины какого нибудь важнаго общественнаго явленія, до корня серьезной общественной болѣзни, гдѣ тутъ найти выходъ изъ общественныхъ затрудненій, когда все это покрыто, затуманено и извращено ложью!..

Съ этимъ важнымъ недугомъ современной общественной жизни связывается другой, не менѣе важный, — непомѣрная гордость и самообольщеніе, и отсюда крайнее послабленіе относительно себя и безпощадная строгость къ другимъ. Эти недостатки — также вѣрный показатель упадка самосознанія, плохаго состоянія мысли и совѣсти. Когда у людей недостаетъ серьезнаго вниманія къ себѣ и испытанія себя, тогда обыкновенно у нихъ недостатки (собственные) укрываются отъ глазъ, а все, что можетъ быть признано за достоинство, принимаетъ преувеличенные, фальшивые размѣры. Такъ это и замѣтно у насъ. Мы говоримъ опять не объ отдѣльныхъ личностяхъ, а о цѣломъ строѣ общественной жизни, о господствующемъ направленіи живущихъ и дѣйствующихъ теперь поколѣній. Едва ли когда нибудь жившія у насъ на Руси поколѣнія отличались такою гордостью и самоувѣ-

ренностью, такимъ самодовольствомъ и самообольщеніемъ, какъ современные намъ поколѣнія (мы говоримъ вообще, не различая старшихъ и младшихъ, сорокалѣтнихъ и двадцатилѣтнихъ,—потому что, къ сожалѣнію въ этомъ они близко подходятъ другъ къ другу). Мы необыкновенно гордимся своимъ временемъ, хотя конечно не мы сами создали свое время и хотя вмѣстѣ съ тѣмъ мы и жалуемся постоянно на тяжесть нашего времени. Мы гордимся быстрыми успѣхами въ развитіи общественной жизни, новыми лучшими порядками, не обращая вниманія на то, что эти лучшіе порядки не нами устроены и подготовлены, и часто относясь съ пренебреженіемъ и порицаніемъ къ тѣмъ, которые ихъ для насъ подготовили и устроили. Мы гордимся успѣхами современной науки, и лишь ея методы и приемы считаемъ настоящими научными методами и приемами; и здѣсь мы забываемъ, что въ развитіи этой современной науки мы-то собственно принимали очень мало участія, и что наука началась не съ нашего только времени, что она существовала и работала и въ прежнія времена,—и многое, что мы считаемъ теперь новымъ, было извѣстно и прежде,—да кромѣ того можетъ быть было извѣстно и еще кое что другое, что мы теперь въ самообольщеніи своемъ позабыли.... Мы, наконецъ, всего болѣе гордимся и обольщаемся красивыми фразами, которыя болшею частію повторяемъ съ чужаго голоса, принимаемъ ихъ за настоящее и свое собственное великое дѣло, не вникая въ ихъ дѣйствительный смыслъ, не провѣряя ихъ указаніями жизни и часто въ жизни представляя имъ совершенное противорѣчіе. Гдѣ же тутъ намъ серьезно искать исцѣленія отъ своихъ нравственныхъ болѣзней, исхода изъ общественныхъ затрудненій, когда мы такъ самодовольны и самообольщены, что

серьезно и не сознаемъ этихъ болѣзней и этихъ затрудненій?..

Съ этимъ непомернымъ самомнѣніемъ и самообольщеніемъ соединяется, какъ всегда это бываетъ, безпощадная строгость къ другимъ, страсть къ пересудамъ, къ злословію и порицанію. И эта страсть никогда, кажется, не распространялась въ обществѣ такъ сильно и не поддерживалась такъ дружно, какъ въ настоящее время,—и не только въ низшихъ слояхъ общества, но еще болѣе въ высшихъ, и не только между невѣжественными, необразованными людьми, но еще болѣе между образованными. И все это теперь прикрывается обольстительными словами—благородными принципами. Что прежде извинялось слабостью и увлеченіемъ, то теперь возводится въ возвышенный принципъ и нравственный подвигъ. Что прежде называлось просто сплетнею, злословіемъ и празднословіемъ, то теперь выводится изъ высшихъ побужденій гражданской честности, общественнаго негодованія, ревности о благѣ и правдѣ и т. д. Сплетня и злословіе не только безъ всякой сдержанности распространяются въ обычныхъ будничныхъ отношеніяхъ нашей жизни, но находятъ себѣ мѣсто и въ самыхъ высшихъ выраженіяхъ общественной мысли и органахъ общественнаго воспитанія. Сплетня и злословіе въ литературѣ: въ ней многіе завѣдомо торгуютъ сплетней и злословіемъ и завѣдомо развращаютъ смыслъ и нравственное чувство общества. Сплетня и злословіе проникаютъ въ самую науку; иные возводятъ сплетню и злословіе какъ бы въ научный принципъ, съ особенною тщательностію и усердіемъ изслѣдуя и въ современной жизни и въ давно минувшей то именно, что по преимуществу можетъ быть предметомъ сплетни и злословія. Нѣтъ лица, дѣла, учрежденія, идеи, которыхъ бы не

могли коснуться въ настоящее время сплетня и злословіе. Въ современныхъ поколѣніяхъ сплетнѣ и злословію предаются не только все то, чѣмъ сами они живутъ, но и все, чѣмъ жили ихъ предки цѣлые вѣка прежде ихъ. Прѣжнія вѣрованія, прѣжніе идеалы, общественные нравы, семейная жизнь, воспитаніе прѣжняго времени, наука и литература, существовавшія прѣжде,—все это подвергнуто осмѣянію, пересужденію, злословію въ современномъ поколѣніи... Что же, само-то современное поколѣніе создало себѣ болѣе твердыя вѣрованія, болѣе высокіе идеалы, выработало лучшіе нравы, болѣе крѣпкую семейную жизнь, твердые принципы воспитанія,—дало болѣе сильные таланты въ наукѣ, въ искусствѣ, въ литературѣ, выставило много замѣчательныхъ дѣятелей въ общественной жизни? О, если бы такъ было... Но едва-ли позднѣйшимъ поколѣніямъ не прійдется произнести надъ нашимъ поколѣніемъ еще болѣе строгій и болѣе справедливый судъ, чѣмъ тотъ, какой наше поколѣніе произноситъ надъ другими... И наконецъ во имя чего совершается этотъ строгій судъ надъ лицами, дѣлами, учрежденіями, цѣлыми эпохами и т. д...? Какихъ нибудь твердыхъ началъ и принциповъ, возвышенныхъ идей и убѣжденій, по которымъ бы серьезно оцѣнивалось то, что такъ свободно и смѣло пересуждается и осуждается, большею частію у самихъ пересуждающихъ и осуждающихъ не оказывается. Большею частію, осуждая и пересуждая другихъ, какъ бы только стараются закрыть собственную пустоту, отсутствіе въ себѣ самихъ положительныхъ идеаловъ и сочувствій, стараются отвести глаза отъ того, что въ нихъ самихъ стоило бы строгаго обсужденія и осужденія.

Характеристическимъ признакомъ современнаго упадка мысли и совѣсти служитъ также и то, что въ на-

стоящее время чрезвычайно легко и поверхностно относятся ко всему, что должно требовать серьезнѣйшаго вниманія—къ религіи, къ наукѣ, ко всему строю общественной жизни, къ важнѣйшимъ общественнымъ событіямъ, къ общественнымъ дѣтелямъ, къ общественнымъ недугамъ. Обо всемъ судятъ легко и развязно, часто не давая себѣ ни малѣйшаго труда ознакомиться съ тѣмъ, о чемъ судятъ. Всѣхъ осуждаютъ, не пытаясь въ самой мысли ставить себя на мѣсто осуждаемыхъ. Во всякомъ дѣлѣ подмѣчаютъ вопіющія ошибки; кажется, если бы это дѣло было въ нашихъ рукахъ, оно вышло бы безукоризненно хорошо; а случись кому нибудь изъ осуждающихъ попасть на мѣсто осуждаемыхъ, не только повторяются тѣ же ошибки, но и оказывается иногда еще хуже. Къ общественнымъ неустройствамъ и недугамъ мы по видимому относимся со скорбію и негодованіемъ. Но это большею частію только по видимому. Иные скорбятъ и негодуютъ по обязанности, потому что такъ поставлены, что не могутъ относиться равнодушно къ извѣстнымъ явленіямъ; иные изъ тщеславія, чтобы не отстать отъ другихъ; иные даже изъ разчета, потому что и самая гражданская скорбь и общественное негодованіе могутъ иногда приносить личную выгоду. Въ сущности же все это большею частію напускное. Въ сущности большинство ко всему относится такъ равнодушно и легко, что если бы, кажется, въ самомъ дѣлѣ на насъ обрушились (чего избави Богъ!) величайшія бѣдствія—государственная смута, моровая язва или что нибудь подобное, по всей вѣроятности многіе, пока до нихъ лично это бѣдствіе не коснулось, продолжали бы также легко и спокойно, какъ обыкновенно это дѣлаютъ, ѣсть, пить и веселиться, празднословить и злословить, обдѣлывать свои дѣла и обманывать другъ

друга, играть въ карты, ѣздить въ клубы и театры, когда нужно быть въ церкви и т. д... Повидимому насъ занимаютъ важныя общественныя событія, совершающіяся въ нашемъ отечествѣ и въ другихъ странахъ; но занимаютъ больше, какъ интересъ дня, какъ газетная новость, какъ предметъ для бесѣды. Какъ падки мы стали на эти новости, и какъ стараются угощать насъ тѣ, которые имѣютъ свои выгоды въ этомъ, самыми разнообразными и самыми раздражающими новостями! И для многихъ всѣ эти новости совершенно равны, происходятъ ли онѣ на краю свѣта, или касаются внутреннихъ основъ нашего отечества, и какого бы качества и значенія онѣ ни были; пріѣздъ искуснаго фокусника, или новой иностранной пѣвицы, ловкая афера какого нибудь общественнаго дѣятеля, новый выдающійся процессъ въ судѣ (скандальнаго или политическаго свойства—все равно), новыя самоубійства, съ такими картинными подробностями описываемыя въ газетахъ (особенно, когда по поводу нихъ можно уколоть кого нибудь), у иныхъ вызываютъ совершенно одинаковыя возбужденія... О каждой изъ такихъ новостей мы готовы бываемъ поговорить дня два—три, не оставляя своихъ обычныхъ занятій, развлеченій, привычекъ; но ни надъ чѣмъ мы серьезно не задумываемся. Ни одно событіе не производитъ существеннаго измѣненія во внутреннемъ строѣ нашей мысли и жизни. Едва ли далеко уйдемъ мы, едва ли къ добру прійдемъ съ такимъ отношеніемъ къ дѣлу!...

Отъ этого же легкаго и равнодушнаго отношенія къ дѣлу и вмѣстѣ съ тѣмъ отъ этого же—въ корнѣ зла—упадка мысли и совѣсти происходитъ и то, что, когда наконецъ какое нибудь слишкомъ значительное общественное явленіе невольно выводитъ насъ изъ обычнаго

равнодушія, невольно вызываетъ на серьезную мысль, на рѣшительную мѣру,—мы часто оказываемся совершенно неспособны къ серьезной мысли, къ рѣшительному, искреннему и дружному дѣйствованію. Когда нужно подумать о себѣ, мы сводимъ рѣчь на другихъ. Когда требуется добросовѣстно обратить вниманіе на источники зла, находящіеся около насъ, мы пускаемся въ разслѣдованіе причинъ общихъ и отдаленныхъ. Когда напротивъ нужно изслѣдовать общія причины извѣстныхъ явленій, у насъ сводится дѣло на личности и случайности. Вообще больше всего обращается вниманіе въ настоящее время на внѣшнюю сторону дѣла—на форму, а не на сущность, не на внутреннія нравственныя стороны... Вездѣ толкуютъ о внѣшнихъ перемѣнахъ; всего ожидаютъ отъ измѣненія внѣшнихъ формъ общественной жизни. Но, такъ какъ корень зла лежитъ большею частію глубже внѣшней стороны, въ самой сущности дѣла, то отъ этого и происходитъ, что внѣшнія формы мѣняются, а зло остается и проявляется въ новыхъ формахъ. Когда оказывается необходимымъ бороться съ зломъ, развившимся до крайности, принимаются опять мѣры большею частію внѣшнія, которыя часто отзываются стѣсненіями и затрудненіями совѣтъ не тамъ, гдѣ находится источникъ зла, и самаго зла не касаются, или обсѣкаютъ лишь нѣкоторыя наружныя проявленія его. А зло растеть, нравственныя недуги усиливаются, общественныя шатанія не прекращаются, и что будетъ далѣе, это едва ли кто нибудь ясно представляетъ себѣ...

Вотъ нѣкоторыя изъ тѣхъ общественныхъ явленій, о которыхъ кажется серьезно нужно подумать въ настоящее время. Всѣ эти явленія относятся къ жизни высшихъ такъ называемыхъ образованныхъ классовъ

общества. А что народъ—простой народъ, который доселѣ мало заявляетъ участія въ развитіи общественной жизни, но отъ котораго безъ сомнѣнія главнымъ образомъ будетъ зависетьъ судьба нашей исторіи? Въ простомъ народѣ мало еще замѣтно нравственныхъ перемѣнъ. Въ массѣ своей онъ продолжаетъ большею частію жить такъ же, какъ жили его предки нѣсколько поколѣній—нѣсколько вѣковъ назадъ. Но настаетъ и для народа пора высшаго развитія, и это развитіе конечно должно прійти къ нему отъ образованныхъ классовъ общества. Что же, много-ли серьезной думы объ этомъ въ образованномъ обществѣ, и много-ли искреннихъ рѣшительныхъ мѣръ прилагается къ этому? И готово-ли современное образованное общество, само больное разными нравственными недугами, быть достойнымъ и полезнымъ руководителемъ народа?... Въ настоящее время много говорятъ о сближеніи высшихъ классовъ съ народомъ, и полагаются начатки этому сближенію. Много, конечно, полезное можетъ быть передано народу въ этомъ сближеніи: но какъ нужно быть осторожнымъ, чтобы вмѣстѣ съ полезнымъ не передать народу и того, что сказалось уже явнымъ вредомъ въ жизни высшаго общества!... А и теперъ уже не мало замѣтно такого. Народъ, говорятъ, грубъ и необразованъ: вмѣсто того, чтобы мало-по-малу выводить его изъ этой грубости, распространяютъ въ немъ пренебреженіе къ его быту. У народа много предразсудковъ и суевѣрій: вмѣсто того, чтобы дать ему болѣе твердыя понятія, при которыхъ бы сами собою разсѣивались предразсудки и суевѣрія, колеблютъ въ немъ тѣ лучшія вѣрованія и правила, на которыхъ вѣками держалась его нравственная жизнь. У народа есть грубые пороки: вмѣсто того, чтобы ослаблять ихъ, знакомятъ народъ съ новыми, болѣе утончен-

ными пороками. Въ народѣ много бѣдности: вмѣсто того, чтобы искренно помогать ему посильными пособіями и разумными совѣтами, какъ выйти изъ этой бѣдности, стараются распространить въ немъ недовольство своимъ состояніемъ, зависть и раздраженіе противъ другихъ классовъ общества, не соотвѣтствующія быту потребности и стремленія. Являются и такіе руководители народа, которые стараются поколебать въ немъ всѣ основы вѣры и жизни и сдѣлать его орудіемъ для самыхъ дикихъ и преступныхъ замысловъ.... О, несчастнѣйшіе люди!“... (Церк. Вѣстн. № 3).

Русскіе лѣтописцы о Вяткѣ.

(Продолженіе ¹).

VI. Софійская первая лѣтопись.

Софійская первая лѣтопись повѣствуетъ по большей части о событіяхъ новгородскихъ, а съ XIV вѣка— о событіяхъ Московскаго и другихъ княжествъ. Извѣстія, въ ней содержащіяся, кромѣ немногихъ относящихся въ XV вѣку, почти всѣ заимствованы изъ извѣстныхъ древнихъ Временниковъ, а первый составитель этого сборника, какъ думаютъ не безъ основанія (*), жилъ въ концѣ XV столѣтія. Но печатаемыя ниже извѣстія о Вяткѣ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ (именно—подъ 1398, 1405, 1409, 1417 и 1418 годами), не встрѣчаются въ болѣе древнихъ спискахъ лѣтописи (Бальзеровскомъ, Толстовскомъ, Оболенскаго и др.), а находятся только въ спискѣ поч. гражд. Царскаго, писанномъ въ XVI вѣкѣ и заключающемъ въ себѣ допол-

¹) См. № 3 Вят. Еп. Вѣд.

(*) «П. С. Р. Л.». V, 79.

нительныя извѣстія, доведенныя до 1508 года.—Первая Софійская лѣтопись издана Строевымъ (1820 г.) и Археографическою Коммиссіей: въ изданіи послѣдней она напечатана въ V и VI т. т.

Въ лѣто 6899 (1391) царь Тахтамышъ посылалъ царевича, именемъ Бехтута, на Вятку ратію; онъ же шедъ взя Вятку, а люди посѣче, а иныхъ въ полонъ поведе (*).

Въ лѣто 6903 (1395) осени князь Семень Дмитреевичъ Суздальскій собра воя, а съ нимъ царевичъ Ентякъ съ Татары, и приде къ Новгороду Нижнему и стоя у града долго, а града не взялъ; а во градъ три воеводы великаго князя Василья Дмитріевичя взяша миръ и цѣлованье крестъное, а Татарове роту пили; и послѣ того цѣлованья Татарове пограбиша весь Новгородъ октября 25. То же слышавъ князь великій Василей Дмитреевичъ измѣну татарскую, посла брата своего князя Юрья Дмитреевича, а съ нимъ вси князи Рускыя съ силою многою; они же шедше плѣниша землю Татарскую и взяша градъ Болгары, Жукотинъ, Казань и Кременчюкъ, и иныхъ много градовъ, и пребыша тамо три мѣсяцы, воюючи землю поганьскую, а супротивленье нигдѣ не бывало, и возвратишася на Русь со многымъ богатствомъ. Того же лѣта вста нѣкый безбожный царь именемъ Темирьяксакъ съ восточныя страны, отъ Синяя орды, отъ Шамахѣйскыя земли, и велику брань створи и многъ мятежь въздвиже въ ордѣ и на Руси приходомъ своимъ (**).

(*) По рукописи Царскаго; въ другихъ спискахъ извѣстіе отнесено къ 6900 (1392) году и изложено кратко: «Махмутъ царевичъ взял ратію Вятку».

(**) Также по рукописи Царскаго; въ другихъ спискахъ Софійской первой извѣстіе изложено вполне согласно съ Новгородскою четвертою.

Въ лѣто 6904 (1396) Кипріянь митрополить Кіевскій и всея Руси постави Григорія епискупомъ Ростову, и Ярославлю, и Бѣлуозеру, и Углечю Полю, и Устюгу и Молозѣ. Тогоже лѣта преставися Степанъ епискупъ Пермскій, мѣсяца апрѣля 26, въ Препловеньѣ праздника въ среду. Си бо святой святитель, новыя апостоль Пермьскыя земля, учитель и просвѣтитель душамъ ихъ, преложи имъ грамоту съ Рускыа на Пермскую грамоту, и вѣру утверди, и грамотѣ ихъ изучи. Се бо блаженный епискупъ Степанъ, Божій человекъ, живяше посредѣ невѣрныхъ человекъ, ни Бога знающихъ, ни закона вѣдящихъ, молящеся идоломъ, огню, и вѣдѣ, и каменю, и золотой бабѣ, и кудесникомъ, и вѣлхвомъ, и древью. А се живущемъ около Перми имена мѣстомъ и странамъ и землямъ иноязычнымъ: Двиняне, Устюжане, Вельжане, Вычегжане, Пенежане, Южане, Сирнане, Галичане, Вятчане, Лопь, Корѣла, Югра, Печера, Вогуличи, Самоедь, Пертасы, Пермь великая, Гамаль Чюсовая. Рѣка же первая, именовъ Вымь, впаде въ Вычегду; другая рѣка Вычегда, обходяще всю землю Пермскую, потече къ сѣвернѣй странѣ и паде въ Двину, ниже Устюга 40 верстѣ; рѣка же третья Вятка потече съ другую сторону Перми и вниде въ Каму рѣку; сіа же рѣка Кама обходяще всю землю Пермскую, по сей бо рѣцѣ мнози языци сидятъ, и потече на угъ въ землю Татарскую и паде въ Волгу, ниже Казани 60 верстѣ (*).

(*) Описаніе границъ Пермской земли приводится опять по рукописи Царскаго; въ другихъ спискахъ его нѣтъ. Описаніе заимствовано лѣтописцемъ изъ «Житія св. Стефана Пермскаго», составленнаго въ началѣ XV вѣка Елифаніемъ. Для сравненія приводимъ здѣсь это описаніе изъ «Житія св. Стефана» по рукописи XVI в., хранящейся въ Синодальной библіотекѣ (№ 420): «Се имяна мѣстомъ и странамъ и землямъ и иноязычникомъ, живущимъ вероугъ Перми: Двиняне, Оустьюжане, Вилежане, Вычегжане, Пинежане, Южане, Сырьяне, Гагане, Вятчане, Лопь,

Въ лѣто 6906 (1398) князь великій Василей Дмитреевичъ посылалъ брата князя Юрія въ Казань на князя Семена (Суздальскаго).

Въ лѣто 6913 (1405) князь великій Василей Дмитреевичъ посла рать въ Татарская мѣста, на взисканіе князя Семена Суздальскаго.... Слышавъ же князь Семень, что княгини его и съ дѣтми изнимани и казна его взята, и соглася съ великимъ княземъ, вниде въ покореніе, и пріѣха изъ орды на Москву и добиль челомъ князю великому и взя миръ; и поѣха съ Москвы князь Семень и со княгинею и съ дѣтми на Вятку, но боленъ сый, и пребывъ на Вяткѣ 5 мѣсяць, и пакы разболѣся и преставися (*).

Въ лѣто 6917 (1409) ходи Анфаль на Болгары, и тамо около его рать побиша Татарове, а самого изнимаша (**).

Корѣла, Югра, Печера, Вогоуличи, Самоедь, Пертасы, Пермь Великая, глаголемая Чюсовая. Рѣка же едина, ейже имя Вымь, си обходящая всю землю Пермскоую, а вниде въ Вычегдоу; рѣка же другая именемъ Вычегда, си исходящая изъ земля Пермскыя и шествоующи ко сѣвернѣй странѣ и своимъ оустьемъ вниде въ Двиноу, ниже града Оустюга за четыредесять поприщъ; рѣка же третья нарицаемая Вятка, яже течеть зъ другую страну Перми, и вниде въ Камоу; рѣка же четвертаа именемъ Кама: си есть, си оубо обходящая (щя) и проходящая (щя) всю землю Пермскоую сквозѣ нѣ (ню), но ней же мнози языци сѣдять, си оубо градоуща (щя) оустремленіемъ прямо яко къ югоу и своимъ оустіемъ вниде въ Волгоу, близъ града нарицаемаго *Болмарь*. Всякому жь хотящемоу шествовати въ Пермскую землю, оудобезненъ поуть есть отъ града Оустюга рѣкою Вычегдоу вверхъ, дондежь внидеть въ самоую Пермь». («Памятники стар. Русской Литературы», изд. гр. Куш.—Безбородко, IV, 123; также Истор. Христоматія ц.-слав. яз.» Буслаява, 747).

(*) Извѣстіе почти дословно согласное находится въ Новгородской четвертой.

(**) Въ одномъ изъ списковъ прибавлено: «самого яша и послаша его бѣ орду ко царю»; а въ рукописи Царскаго подь 6918 (1410) годомъ сказано: Анфаль ходилъ на Болгары Камою и Волгою, и тамо ихъ побили, Анфала яли и въ одру повели».

Въ лѣто 6925 (1417) изъ великаго князя отчины Василя Дмитреевича ходи князь Юрїевъ бояринъ Глѣбъ Семеновичъ съ Новгородскими бѣглеци, съ Семеномъ Жадовскимъ и съ Михайломъ Розсохинымъ, и съ Устюжаны и съ Вятчаны, ѣхаша въ насадѣхъ на Заволочьскую землю (*).

Въ лѣто 6926 (1418) убиенъ бысть Анфаль и сынъ его Нестеръ, на Вяткѣ, отъ Михаила Розсохина.

Въ лѣто 6939 (1431) отъ великаго князя Василя Васильевича воевода князь Феодоръ Давыдовичъ Пестрой ходилъ на Болгары воевати, да и взялъ.

Въ лѣто 6941 (1433) князь Юрїи (**) съступися великаго княженя, по своей воли, великому князю Василью (***) ; и умиришася съ великимъ княземъ на томъ, что ему дѣтей не прїимати, ни помочи имъ не дати. Того же лѣта посла князь великій воеводу князя Юрїя Патрекѣевича, и съ нимъ дворъ свой, на Кострому, на Юрїевичевъ; они же (****) съ Вятчаны и съ Галичяны поставиша бой, на рѣчкѣ на Куси, и дворъ князя великаго били и воеводу князя Юрїя яли, и прїидоша опять на Кострому, и какъ Волга стала, и ни (они) ступили къ Турдѣевымъ врагомъ (оврагамъ).

Въ лѣто 6942 (1434) князь великій Василей Васильевичъ слышавъ измѣну дяди своего князя Юрїя Дмитреевича, что на бою были съ дѣтми воеводы его

(*) Извѣстіе это вполнѣ уже напечатано нами раньше; оно взято изъ Новгородской первой и повторяется почти дословно въ другихъ лѣтописяхъ: Новгородской четвертой, Софійской второй, Воскресенской, Никоновской и Львова («П. С. Р. Л.» Ш, 106; IV, 115; VI, 141; VIII, 89; Никон. V, 68; Львова II, 257).

(**) Дмитріевичъ Галицкій, сынъ Доускаго.

(***) Васильевичу (Темному).

(****) Юрїевичи (Василій Косой, Дмитрій Шемяка и Дмитрій Красный).

и многы дворяне, и поиде князь великій Галича воевати, и Галичъ повоевалъ и пожогль и полонъ повель; а князь Юрьи Дмитреевичъ посла дѣтей по Вятчаны, и поиде на великого князя. Князь великій срѣте его въ Ростовскыя области у святаго Николы на горѣ, и бысть имъ бой въ Лазареву субботу, и преможе князь Юрьи и поиде къ Москвѣ; и приде къ Москвѣ на страстной недѣли, а у города стоялъ недѣлю, а въ среду на святой недѣли городъ взялъ, и княгини великыя поималъ и послалъ въ Рузу, а самъ сѣде на великомъ княженіи (*).

Того же лѣта преставися князь Юрьи Дмитреевичъ на великомъ княженіи на Московскомъ, а сынъ его Василей послѣ отца сѣде на княженіи на Московскомъ, и сѣдѣ одинъ мѣсяць; а князь Дмитрей (Шемяка) смиришася съ великимъ княземъ и съгнаша князя Василья съ Москвы, а князь великій Василей Васильевичъ сѣде на своей отчинѣ на великомъ княженіи Московскомъ.

Въ лѣто 6943 (1435) поиде князь Василей съ Костромы со многими силами къ Москвѣ, и срѣте его князь великій въ Ярославской отчинѣ у Кузмы Демьяна на Которосли, мѣсяца генваря въ 6; и бысть имъ бой, и поможе Богъ великому князю, а князь Василей убѣгль въ Кашинъ. И окопився въ Кашинѣ и приде къ Вологдѣ изгономъ на великого князя заставу, и воеводъ великого князя поималъ, Ѳедора Михайловича Челядню,

(*) По рукописи Царскаго. Въ другихъ спискахъ такъ: «Князь Юрьи Дмитреевичъ собра воя многы, приде ратию къ Москвѣ на вербной недѣли, а съ нимъ сила велика и Вятска рать. То же слышавъ князь великій Василей Васильевичъ, выѣхалъ вонъ изъ града Москвы, а княгиню и мать посади во градъ, и не поиде противу ему. Князь же Юрьи Дмитріевичъ приде ко граду къ Москвѣ, гражане же отвориша ему градъ Москву, онъ же вниде въ градъ, и поималъ княгини великыя и посла ихъ въ заточеніе въ градъ зовомый Звенигородъ, а самъ сѣде на великомъ княженіи».

Андрѣя Ѳедоровичя Голтыева, Володимера Андрѣевичя Зворыкина, Михаила Чепечькына; и поиде къ Костромѣ и посла по Вятчанъ, и Вятчяне придоша къ нему. И слышавъ князь великій то, и поиде на Кострому на князя Василья, и пришедъ ста на мысѣ у святаго Ипатіа чудотворца, и не лзѣ имъ на бой снятися о рѣцѣ Костромѣ, и взяша миръ, и дасть князь великій князю Василью городъ Дмитровъ въ отчину.

Въ лѣто 6944 (1436) князь Василей Юрьевичъ поиде изъ Дмитрова опять на Кострому, а къ великому князю розметные послалъ, и на Костромѣ жилъ до пути до зимняго и поиде къ Галичю, изъ Галичя поиде на Устюгъ; и стоялъ подъ Устюгомъ 9 недѣль и городъ взялъ, а князя великого воеводу князя Глѣба Ивановичя убилъ Оболеньского, а десятиника владычня Іева Булатова повѣсилъ, и многихъ Устюжанъ посѣклъ и повѣшалъ. Тое же зимы князю Дмитрею Юрьевичю женитися было на Углечи, и пояти дщерь князя Дмитрея Заозерскаго, и приѣха на Москву князя великого звати на свадьбу; и князь великій его поймалъ и послалъ на Коломну, а приставъ у него Иванъ Старковъ. Тое же весны князь Василей Юрьевичъ поиде съ Устюга на великаго князя, похваляся, а съ нимъ Вятчяне да князь Дмитриевъ брата его дворъ съ нимъ же; и срѣте его князь великій у святаго Покрова на Скорятинѣ, въ Ростовской области, а съ нимъ князь Дмитрей Юрьевичъ меншій, да въ ту же пору служилъ князю великому князь Иванъ Баба Дрютьскихъ князей. Изрядивъ копія и поидоша вмѣсто и бишася, и побѣже князь Василей, и угони его Борисъ Тоболинъ, и позна его и нача кликати, и пригна къ нимъ князь Иванъ Баба, и поимаша князя Василья Юрьевичя и приведоша къ великому

князю; князь же великий посла его на Москву, и ослѣ-
пиша его (*).

Въ лѣто 6960 (1452) въ зиму князь великий Иванъ
Васильевичъ ходилъ на Кокшенгу (**).

Въ лѣто 6966 (1458) князь великий посылалъ на
Вятку Ряполовскихъ, и Григорей Перфушковъ у Вятчанъ
посулы поималъ да имъ норовилъ, ни Вятки не взялъ.

Въ лѣто 6967 (1459) князь великий Василей Ва-
сильевичъ посылалъ князя Ивана Юрьевича воеводою
на Вятку, да съ нимъ дворъ свой; онъ же шедше го-
родкы поималъ Орловъ да Котелничъ, а подь Хлыно-
вымъ стоялъ долго, и Вятчане добили челомъ на всей
его воли, какъ надобѣ государю великому князю.

Въ лѣто 6979 (1471) на Двину да и на Заволоць-
скую землю князь великий послалъ своихъ воеводъ Ва-
силья Ѳедоровича Образца да Бориса Матвѣевича Тют-
шева, своими людьми, Устюжскіе земли да и Вятскіе
земли да и Вологодскіе земли ратми, на вси тамо на
Новгородскыя пригороды, и на вси ихъ волости и на
погосты. А тѣ всѣ воеводы его великаго князя съ Дви-
ны отъ себе прислаша къ своему государю къ великому
князю своихъ гонцовъ, повѣдаючи о сихъ, чтоже князь
Василей Шуйскій, слуга Великаго Новагорода, снявся
съ Заволоцкою землею, да и съ Двиньскою землею, и
съ Корѣльскою землею, собрався многими людьми, да
приходилъ на нихъ ратми и билися съ нимъ ступнымъ
боемъ великимъ на водѣ въ судѣхъ, да и пѣши на су-
хѣ, а бишася отъ утра и до ночи; и поможе Богъ вое-
водамъ князя великаго, Василью Ѳедоровичю и его то-
варищамъ, а побиша на томъ бою Новгородцовъ много
зѣло, а инѣхъ руками поимаша: тако бо уже отъ вели-

(*) Ср. извѣстія о тѣхъ же событіяхъ «Архангелогородскаго» лѣтописца.

(**) Притокъ Ваги — Кокшенга, по берегамъ которой жили «Кокшары».

кія истомы бою ихъ яко оклячѣвшѣ сташа мужіе Новгородстїи, не могуще ни рукою двигнути, ниже главу свою обратити; а самого князя ихъ на томъ суймѣ стрѣлою уязвиша, и похвативше его людѣе его скоро въ суднѣ отвезоша лѣ жива суца; а города Двиньскыя огнемъ пожгоша, а землю ихъ вывоеваша. Егда же и сія вѣсть вниде во уши Великого Новагорода, чтоже на Двинѣ великого князя воеводы побиша слугу ихъ князя Василья Шуйского, да и ихъ людей Новгородцкихъ и Двиньскихъ и Корѣльскихъ и Заволоцкихъ: и ту конечнѣ приложиша къ слезамъ слезы и къ воплю вопль, чтоже вся ихъ земля Новгородская грозою государя великаго князя выоевана и выжжена, и лучшими людьми выбита, и вытравлена вся и опустошена, чего надъ ними отъ вѣка не бывало.

Въ лѣто 6997 (1489) іюня въ 11, послалъ князь великій Иванъ Васильевичъ всея Руси рать свою на Вятку, за ихъ неисправленіе, воеводѣ своихъ князя Данила Васильевича Щеня да Григорья Васильевича Морозова; они же шедъ Вятку взяли, лутчихъ людей вывели, а которыхъ оставили, тѣхъ къ цѣлованію привели.

Въ лѣто 7007 (1499) послалъ князь великій воеводѣ своихъ, князя Семена Ѳедоровича Курпского, да князя Петра Ѳедоровича Ушатого, да Василья Бразника, съ силою, съ Устюжаны, съ Двиняны, и съ Вычегжаны, и съ Вятчаны, на Югорьскую землю и на Гогуличи; они же шедше города поимаша и землю повоеваша и князи поймавъ приведоша съ собою на Москву, а иныхъ князей и земьскихъ людей къ ротѣ приведоша по ихъ вѣрѣ за великаго князя, а иныхъ князей и многихъ людей Югричъ и Гогуличъ тамо побиша; и придоша на Москву къ великому князю вси здрави въ лѣто 7008, марта.

**О. Архимандритъ Гавріиль, настоятель Верхотурскаго
монастыря.**

(Некрологъ).

27-го января 1880 года, въ 11 часовъ утра, скончался въ Верхотурскомъ Николаевскомъ монастырѣ Пермской епархіи, памятный для многихъ на Вяткѣ, настоятель сего монастыря, о. Архимандритъ Гавріиль.

Большую часть и лучшія лѣта своей жизни покойный провелъ на службѣ Церкви Божіей и образованію духовнаго юношества на Вяткѣ. Священническій сынъ Калужской епархіи, Григорій Леонтьевичъ Любомудровъ, по окончаніи курса наукъ въ С.-Петербургской Духовной Академіи въ 1825 году, опредѣленъ былъ учителемъ въ Вятскую Семинарію по классамъ математики и еврейскаго языка. Въ 1828 году перемѣщенъ на классъ церковной исторіи, съ оставленіемъ за нимъ и еврейскаго языка, которые и преподавалъ, съ переименованіемъ его въ 1832-мъ году изъ учителя въ профессора, до 1842 года, когда, по собственному прошенію былъ уволенъ отъ службы при семинаріи; но въ 1844 году онъ снова поступилъ на службу въ семинаріи, которую и проходилъ до перемѣщенія своего въ 1846 году на службу въ г. Астрахань. Между тѣмъ онъ, въ то же время, несъ особыя должности какъ по Семинаріи, такъ по епархіальному вѣдомству. Такъ—въ 1826 году онъ опредѣленъ былъ на должность эконома Семинаріи, въ которой и состоялъ до 1830 года,—въ тотъ особенно трудный по семинарской экономіи періодъ времени, когда производились—постройка западнаго семинарскаго корпуса и перестройки и поправки въ другихъ корпусахъ; въ 1827 году произведенъ былъ во священника и опредѣленъ къ Вятскому кафедральному

собору, сначала—на вакансію діаконскую, а съ 1829 г. на священническую; съ 1830 года по 1844 годъ исполнялъ обязанность казначея Попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія; въ 1836 году опредѣленъ членомъ Вятской Духовной Консисторіи. Много исполнялъ и другихъ порученій начальства какъ по епархіальному, такъ по духовно-учебному вѣдомствамъ. Въ 1831 году произведенъ былъ въ протоіерея, въ 1835 году награжденъ скуфьею, въ 1838 году—палицею, въ 1840 г.—камилавкою, въ 1844 г.—наперснымъ крестомъ; а въ 1845 году, вслѣдствіе собственнаго прошенія, овдовѣвъ еще въ 1833 году, постриженъ въ монашество и въ 1846 г. произведенъ въ санъ архимандрита. Въ томъ же году перемѣщенъ на службу въ Астраханскую Семинарію, гдѣ былъ инспекторомъ и профессоромъ св. писанія и соединенныхъ съ нимъ предметовъ; но въ 1847 году, по прошенію, снова перемѣщенъ въ Вятскую Семинарію на должность профессора церковной исторіи, археологіи и каноническаго права, а съ 1849 года преподавалъ еврейскій языкъ и науки богословскія. Въ 1848 году опредѣленъ былъ членомъ Вятской Духовной Консисторіи; въ 1850—настоятелемъ Слободскаго Крестовоздвиженскаго монастыря. Затѣмъ въ 1854 году, когда по указу Святѣйшаго Синода опредѣленъ въ настоятеля второкласснаго Верхотурскаго Николаевскаго монастыря, онъ оставилъ Вятку уже навсегда. Тамъ, на должности настоятеля, онъ и скончался, имѣя 80 лѣтъ отъ роду.

Всѣ знавшіе его помнятъ, безъ сомнѣнія, необыкновенную доброту души его, общительность, простосердечіе, готовность помочь всякому, чѣмъ могъ. Какъ профессоръ семинаріи, онъ оставилъ самую добрую память по себѣ усерднымъ, вразумительнымъ, яснымъ преподаваніемъ тѣхъ предметовъ, которые проходилъ.

О службѣ его въ Верхотурскомъ монастырѣ извѣстно, что и тамъ трудился онъ немало и сдѣлалъ много добраго: перестроилъ заново храмъ, гдѣ почиваютъ мощи св. праведнаго Сумеона, Верхотурскаго чудотворца, устроилъ жилой корпусъ, гдѣ помѣщаются келліи настоятеля и старшей братіи монастыря, выстроилъ новую гостинницу при монастырѣ для помѣщенія богомольцевъ, открылъ въ монастырѣ школу для мальчиковъ; его же заботами въ г. Верхотурьѣ открыта и существуетъ школа для городскихъ дѣвочекъ. Онъ же составилъ и издалъ жизнеописаніе св. праведнаго Сумеона Верхотурскаго, службу ему и акаѳистъ. Былъ благочиннымъ монастырей Пермской епархіи.

Знавшіе покойнаго, конечно, не оставятъ помолиться, да учинитъ Господь душу труженика, болѣе 25 лѣтъ послужившаго благу Церкви и духовнаго юношества Вятской страны, тамъ, гдѣ всѣ праведные упокоиваются.

СОДЕРЖАНІЕ. Болѣзни современнаго русскаго общества. Русскіе лѣтописцы о Вяткѣ. Некрологъ.

«Вятскія Епархіальныя Вѣдомости», издаваемые при Духовной Консistorіи, выходятъ два раза въ мѣсяць—1 и 16-го числа. Цѣна годовому изданію въ Редакціи 4 руб., а съ доставкою на домъ въ г. Вяткѣ и съ пересылкою въ другія мѣста 5 руб. Подписка принимается въ Редакціи сихъ Вѣдомостей, въ домъ кафедральнаго собора.

Редакторъ Протоіерей *Теодоръ Кибардинъ*.

Дозволено цензурою. 9 Февраля 1880 года.

В Я Т К А .

ТИПОГРАФІЯ КУКЛИНА.

1880.

„Вятскія Епархіальныя Вѣдомости“ выходятъ два раза въ мѣ-
сяць—1 и 16 числа. Цѣна годовому изданію, въ Редакціи 4 руб.,
а съ доставкою на домъ въ г. Вяткѣ и съ пересылкою 5 руб.
Подписка принимается въ Редакціи сихъ Вѣдомостей, въ домѣ
каедральнаго собора.